

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

В статье обосновывается мотивационная связь модального значения долженствования с представлениями о времени и пространстве. Данное обоснование проводится путем анализа внутренней формы лексем, семантической структуре которых свойствен интегральный признак темпоральности. Результаты исследования являются отражением тесной связи между закономерностями человеческого мышления и особенностями его отражения в языковых категориях.

The subject of the article is the study of the connection of modal meaning of 'necessity' with ideas about time and space. The given substantiation is done by analyzing lexem inner form, the semantic structure of which is characterized by the integral sign of temporality. This theme is related with the regularities of the human thought and the peculiarities of its reflection in language categories. The work is done on the base of East Slavic words.

Неотъемлемой характеристикой естественного человеческого языка является функционально-семантическая категория модальности, выражающая разные виды отношения к действительности, а также разные виды субъективной оценки сообщаемого. Категория модальности представляет собой языковую универсалию; она принадлежит к числу основных категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем. К сфере модальной семантики относятся значения, отражающие возможность, желательность, долженствование, необходимость, вынужденность, готовность, — т. е. значения, отражающие отношение содержания высказывания к действительности. Таким образом, модальность относится к так называемым понятийным категориям и является одной из сфер проявления субъективного начала в языке.

Актуальным в лингвистике является системное исследование коммуникативных и прагматических аспектов модальной семантики. Функционирование же лексических единиц любых типов всегда тесно связано и обусловлено особенностями их происхождения, внутренней формой. Достаточно распространенным является представление о внутренней форме как об образе, который лег в основу наименования (см. Кияк 1987, 58). Внутренняя форма производного слова отражает характер связи звукового состава слова и его первоначального значения. Внутренняя форма производной лексической единицы определяется семантической и структурной соотносительностью составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка. В наиболее общем виде внутренняя форма рассматривается как «способ мотивировки значения в слове» (Будагов 1979, 43).

В области лексической семантики традиционно выделяются семасиологический и ономасиологический принципы изучения смысловой структуры слова. Изучение тех или иных языковых явлений в ономасиологическом плане означает, что в качестве исходного принимается обозначаемая реальность (предмет, явление, качество и т. п.), получающая то или иное имя и значение.

Как известно, формирование значений в истории языка определяется типологией семантического развития. Диахроническая динамика модальных значений также обнаруживает определенные закономерности. Системных исследований, посвященных закономерностям формирования указанного типа значений в славянских языках, нам неизвестно. Выявление истоков формирования модальных значений в ономасиологическом аспекте представляется актуальным прежде всего в силу тесной связи между закономерностями человеческого мышления и особенностями его отражения в языковых категориях. Предметом настоящей статьи является рассмотрение мотивационной связи модального значения долженствования, необходимости с представлениями о времени и пространстве в восточнославянских

языках. Развитие значения долженствования на основе понятия «время» является одной из закономерностей формирования указанного типа модальной семантики в восточнославянских языках. В настоящей работе мы приводим материал других славянских языков, который подтверждает отмеченную закономерность. Пространство и время как коренные свойства движущейся материи неотделимы друг от друга. Все материальные объекты внешнего мира движутся не иначе как в пространстве и времени. Пространство характеризует взаимное расположение, протяженность, объем, величину, форму тел окружающего мира. Понятие времени отражает последовательность, длительность, темпы развития объектов. Таким образом, если пространство характеризует устойчивость, стабильность в существовании объектов, то время – их изменимость, текучесть.

По замечанию Н.Н. Трубникова, «знак места» и «знак времени» – оба этих знака лежат в самом основании человеческих идей (Трубников 1987, 25). Неразрывная связь времени и пространства находит свое отражение в языке. Известно, например, что темпоральная ориентация может описываться при помощи показателей пространственной ориентации, так что событийная упорядоченность представлена в языке по аналогии с пространственными отношениями, ср.: *перед домом* и *перед Новым годом*.

Идея движения по кругу (т. е. изначально перемещения в пространстве) отражена в этимологии рус. *время* (и.-е. **uertmen*), по происхождению связанного с *вертеть*, *воротить* (ср.: Фасмер, 1, 361; Преобр., 1, 101: «первоначальное значение 'вращение, коловращение'»). С древнейших времен в сознании человека существует представление о времени как последовательности однотипных событий, «жизненных кругов». Древние цивилизации воспринимали время как повторяющийся цикл, в котором особой ценностью обладало прошлое, хранящее необходимые для жизни навыки и знания. Представление о времени соотносится с объективно наблюдаемой сменой различных «состояний мира», однако концепт времени связан с переживающим время субъектом, с его оценкой, с его «ощущением времени». С одной стороны, время, как таковое, не дано нам в непосредственном наблюдении, это неуловимая сущность, ср.: *Время за нами, время перед нами, а при нас его нет* (Даль, 1, 260). С другой стороны, время может оставлять чувственно воспринимаемые «следы» (что обычно расценивают как нечто нежелательное) или демонстрировать свои «приметы». Власть времени рассматривается как закон, с которым приходится считаться, ср.: *Не человек гонит, а время* (Даль, 1, 261). Указанные особенности восприятия времени способствуют развитию модальной семы долженствования, необходимости, которая чаще реализуется в сочетании с инфинитивом: *время идет*, *шутить не время*.

Русскому слову *время* в белорусском и украинском языках соответствует лексема *час*, которая в сочетании с инфинитивом также реализует значение с модальным оттенком долженствования 'наступила пора, подходящий момент', ср.: бел. *час класціся спаць*.

Семантика слова *пора* также отражает связь модального значения долженствования с представлениями о времени, ср.: рус. *пора* 'время, благоприятное время, срок' и 'пришло время, настал срок, по времени или по обстоятельствам' (Даль, 3, 310); бел. *пара* 'время, период', 'часть суток' и 'настало время для чего-либо' (ТСБМ, 4, 35); укр. *пора* 'время, пора', 'возраст' и 'благоприятное время, подходящий момент' (Гринч., 3, 341). Семантика соответствий в других славянских языках и производных, распространенных в диалектах, сохраняет связь с исходным значением времени: болг. *пора* 'возраст', польск. *pora* 'случай, пора' (Фасмер, 3, 328), рус. диал. *пораться* 'спешить, заниматься', *пористый* 'то, что пришло к стати, впору, вовремя', *порный* 'дошлый, возмужалый, взрослый, во всех годах; зрелый, поспелый и готовый, во всей поре' (Даль, 3, 310), *порацца* 'управляться, оканчивать

ежедневные домашние работы' (Расторгуев, 212), бел. диал. *порацька* 'медлительный человек' (Нар. сл., 141), укр. *поратися* 'заниматься по хозяйству, стряпать, возиться' (Гринч., 3, 342).

В праславянском **pora* значение времени по происхождению также связано с пространственными представлениями. Этимологи предполагают родство данного имени с глаголом **perti* (Фасмер, 3, 328; Преобр., 2, 106) и, далее, со служебным словом **per-*, основное значение которого – 'движение сквозь, через, сверх', отсюда 'переход от одного места к другому', 'продолжение действия', 'действие снова' (Преобр., 2, 39), ср. значения приставки в словах *переселиться*, *переделывать* и т. п.

Праславянское **perti* сравнивают с лит. *spirti* 'подпирать', 'теснить, нажимать', лат. *sperno* 'отталкивать', др.-инд. *sphurati* 'отталкивает (ногой)', устремляется, вздрагивает', авест. *sparaiti* 'попирает, толкает', др.-исл. *sporna* 'лягать' (Фасмер, 3, 240–241), т. е. исходное значение обнаруживает связь с семантикой движения, перемещения в пространстве, связанного с преодолением препятствия. Слово *пора* обладает особой временной семантикой, ср.: *Придет время, будет и пора / То было время, а ныне пора / Не время дорого, пора* (Даль, 1, 261). Как известно, семантика слова обуславливает его сочетаемостные возможности. По наблюдениям Е.С. Яковлевой, *пора* описывает не просто периодическое повторение событий, но подчеркивает связь этих событий с космологическим циклом, ср.: *Настала пора отпусков / уборочная пора*, но не **пора заседаний Верховного Совета*, **пора командировок*, поскольку «описываемые события не вписываются в космологический ряд» (Яковлева 1991, 45).

Прообразом человеческой (социальной) поры (*пора любви, пора становления личности*) является пора природная (*весенняя, летняя, осенняя*). В смене времен года представлен извечный «сценарий»: рождение, становление, расцвет, увядание и снова рождение и т. д. «Пора» воспринимается как нечто объективное, закономерное, не зависящее от человеческих эмоций. Семантика слова *пора* предполагает обязательную смену этапов. За одной порой всегда идет другая: конец одного цикла, этапа уже содержит идею нового начала, его ожидание. Эти представления лежат в основе развития семантики долженствования:

Мы вольные птицы; *пора*, брат, *пора*!

Во внутренней форме слова *долг* (рус. *долг* 'обязанность', 'взятое взаймы', бел. *доўг*, укр. *довг*) также проявляется связь с пространственно-временными представлениями. Этимологи связывают праславянское имя **dylgъ* с прилагательным **dylgъ* 'длинный, долгий'; таким образом, предполагается, что в понятие долга включалось представление о сроке. Интонационные различия между обоими славянскими словами (ср. сербохорв. *дуг* 'долг', но *дуг* 'долгий, длинный'), приводимые как контраргументы (см. Фасмер, 1, 524), объяснимы как показатель словопроизводных отношений на ранней стадии формального тождества имени и древнего прилагательного (ЭССЯ, 5, 180). А.Г. Преображенский также указывает на то, что *долг* и *долгий* 'longus' – одно и то же слово: долг – то, чего ждут, выдерживают, терпят; ср.: лат. *indulgeo* 'быть снисходительным' (первоначально: 'быть великодушным, долготерпеливым к чему-либо') (Преобр., 1, 188–189).

В семантике южнославянских и западнославянских соответствий связь с исходным признаком, легшим в основу наименования, также утрачена: болг. *дълг*, макед. *долг*, чеш. *dluh*, словац. *dlh*, польск. *dlug* 'долг, обязанность'; болг. *длъжен* 'должный, обязанный', макед. *должен*, сербохорв. *дужан* 'тот, кто должен', 'причитающийся', словен. *dolžen* 'должный, причитающийся', 'должный, обязательный' и др. (ЭССЯ, 5, 179, 181). Указанная особенность свидетельствует о том, что значение долженствования сформировалось на древнейшем хронологическом срезе развития языка. Вероятно, в основе исходного значения слова *долг* лежит семантическая аналогия: протяжен-

ность, длительность пространственная и временная – постоянство, непреходящий характер моральной нормы, долга.

Понятие долга, необходимости обнаруживают ассоциативную связь с понятиями времени и пространства постольку, поскольку они характеризуются общностью восприятия. Время и пространство существуют здесь и везде, сейчас и всегда, объективно, независимо от чьего-либо сознания. Моральные нормы также мыслятся как существующие изначально, они вечны, непреходящи. Долг рассматривается как аналог логической необходимости, выраженной в нравственных требованиях, ср.: *Не все должно, что можно* (Даль, 1, 461). Долгу человек *повинуется*, голос долга воспринимается как высшая инстанция, определяющая линию поведения человека. Велению долга подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели. Долгом нельзя кого-либо *обременить*, его нельзя *принять на себя*, как обязательства. Долг можно в какой-то момент *осознать*, можно *счесть* что-то своим долгом, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался. Долг просто не может отсутствовать. Можно отрицать наличие конкретной обязанности, но относительно долга можно утверждать только, что он состоит не в этом, а в чем-то другом.

Значение долженствования, необходимости в словах *надо*, *надобно* и других производных от *доба* по происхождению также связано с представлениями о времени. Слово *доба* с основным значением 'время, пора' сохранилось в современном украинском языке (*доба* 'сутки', 'пора, время', 'эпоха' – СУМ, 2, 316), ср.: рус. диал. *доба* 'время, возраст', 'мера', *даба* 'время' (СРНГ, 8, 73), ст.-бел. *доба* 'положение' (Насовіч, 134).

В южнославянских и западнославянских языках праславянское **doba* обнаруживает продолжения, также имеющие значение 'время': болг. *доба* 'пора (обыкновенно ночная)', 'время, пора, случай', макед. *доба* 'пора, время', 'возраст', словен. *doba* 'пора, подходящее время, срок', 'возраст', в.-луж. *doba* 'пора, время, момент', н.-луж. *doba* 'удобное время, момент', 'мера, степень', польск. *doba* 'сутки', 'пора, время, эпоха' (ЭССЯ, 5, 38).

Исторически слово *надо* восходит к *надобь*, которое представляет собой сочетание существительного с предлогом *на*, употребляющимся при обозначении как пространственных, так и временных отношений: *на добе*, т. е. 'вовремя, когда есть необходимость'. На основе исходной семантики времени развивается модальное значение 'нужно, должно, следует, необходимо' и другие, более конкретные значения, в которых в той или иной степени прослеживается модальный оттенок долженствования, необходимости: рус. диал. *надобье* 'лекарство', *надобник* 'нужный человек' (Даль, 2, 404), *надоба* 'девушка, которая долго не может выйти замуж; раньше родители возили таких девушек по селам, предлагая в жены' (СРГСУ, 2, 164), укр. *надібок* 'кусок дерева или железа, годный в дело' (Гринч., 2, 482), бел. диал. *надоб'е* 'гости', польск. *nadobek* 'любая пустая посуда (горшок, бутылка)', чеш. *nadoba* 'пустая емкость, сосуд', 'посуда', *nadobi* 'домашние вещи, необходимые в хозяйстве', в.-луж. *nadoba* 'доход, богатство' (ЭСБМ, 7, 198).

Семантика вынужденности, необходимости в слове *мус* 'необходимость, обязательность, принуждение' и производных, сохранившихся в белорусском и украинском языках (ср.: бел. *мусіць* 'подвергаться принуждению, быть обязанным сделать что-либо' – ТСБМ, 3, 183; укр. *мусити* 'долженствовать, быть должным, вынужденным' – Гринч., 2, 456), также обнаруживает мотивационную связь с семантикой времени. Производящее *мус* является заимствованием из польского (ср.: ст.-польск. *mus* 'необходимость, принуждение') и, далее, из немецкого языка, ср.: д.-в.-нем. *muozan* 'свободное время; иметь возможность' (ЭСБМ, 7, 101).

В группе восточнославянских лексем, во внутренней форме которых отражается мотивационная связь модального значения долженствования с семантикой времени, выделяются слова с праславянским корнем **god-*. В

отличие от рассмотренных выше слов, для которых модальные значения являются вторичными, развившимися на основе исходной семантики времени, для праславянского глагола **goditi(se)* и его производных исторически первичной является модальная семантика 'подходить, соответствовать'. Ср. соответствия в восточнославянских языках: др.-рус. *годити* 'угождать', *годитися* 'быть довольным', 'случиться', 'годиться, быть достойным', безл. 'годится, следует' (Срезн., 1, 535), рус. диал. *годить* 'угождать кому-либо', 'создавать благоприятные условия для кого-, чего-либо', *годиться* 'пригодиться, понадобится' (СРНГ, 6, 269), бел. *гадзіць*, укр. *годити* 'угождать'.

Праславянское **goditi* этимологи считают родственным латыш. *gadīt* 'падать, приобретать, находить', д.-в.-нем. **ergetzen* 'радовать, убажывать', ср.-в.-нем. *gaden* 'подходить, нравиться' (ЭССЯ, 6, 190).

Отглагольное существительное **godь*, отражающее различные временные значения, семантически первоначально – не столько 'время вообще' (ср.: др.-рус. *годъ* 'время (неопределенное)', 'срок', 'год', 'возраст'; рус. *год*, бел. *год*, укр. *гiд* 'год'), сколько 'случай, повод, подходящее время', что соответствует производящей семантике **goditi*, ср.: сербохорв. *год* 'подходящее время', словен. *god* 'подходящее время, момент', *po godu biti* 'быть приятным, желанным', н.-луж. стар. *god* 'случай, повод' (ЭССЯ, 6, 191), а также рус. диал. *год* 'благоприятный для чего-либо отрезок времени, хорошее время' (СРНГ, 6, 267). Ср. соответствия производящего: болг. *годя* 'готовить', 'искать случай', макед. *годи* 'договориться', 'угадать', чеш. *hoditi se* 'подходить, соответствовать' и мн. др. (ЭССЯ, 6, 188–190). Таким образом, в данном случае можно говорить об обратном семантическом переходе: модальное значение соответствия, пригодности > значение времени.

Производное от **godь* наречие **gode* обнаруживает модальное значение долженствования, необходимости, отражающее, вероятно, не столько исходное этимологическое значение, сколько промежуточную семантику времени, свойственную производящему имени: рус. диал. *годе* 'довольно, полно, хватит', 'нет, нельзя', 'не трогай, перестань', 'погоди, подожди', 'поделом, так и надо' (СРНГ, 6, 267), бел. *годзе* 'достаточно, хватит' (ТСБМ, 1, 450), укр. *годі* 'полно, довольно, баста', 'нельзя, невозможно' (Гринч., 1, 298).

Таким образом, можно говорить о тесной связи (и в некоторых случаях взаимопереходе) модального значения долженствования с семантикой времени с диахронической точки зрения. Ассоциативная связь этих значений обусловлена общностью восприятия, осмысления времени и нравственной категории долга, которые мыслятся как объективно существующие, вечные, непреходящие. Представлениям о нравственных нормах, реконструируемым в процессе выявления внутренней формы рассмотренных слов, как нельзя лучше соответствует замечание И. Канта: «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением тем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, – звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Сокращения

- Гринч. – Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: В 4 т. Киев, 1958. Т. 1–2; Киев, 1959. Т. 3.
 Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1990. Т. 1–3.
 Нар. сл. – Народные слова / Под ред. А.Я. Баханькова. Мн., 1976.
 Насовіч – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. Мн., 1983.
 Преобр. – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1959.
 Расторгуев – Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Мн., 1973.
 СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. Н.П. Костиной. Свердловск, 1971. Т. 2.
 Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. М., 1989. Т. 1.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Л., 1970. Вып. 6; Л., 1972. Вып. 8.
 СУМ – Словник української мови. Киев, 1971. Т. 2.

- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мн., 1977. Т. 1; Мн., 1979–1980. Т. 3–4.
 Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1967. Т. 1; М., 1971. Т. 2.
 ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. В.У. Мартынава. Мн., 1991. Т. 7.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1978–1979. Вып. 5–6.

Літаратура

- Будагов Р.А. Внутренняя форма слова // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. М., 1979. С. 43–46.
 Кияк Т.Р. О внутренней форме лексических единиц // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 58–68.
 Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987.
 Яковлева Е.С. *Время и пора* в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 45–51.

Поступила в редакцию 27.02.2001.

Мельникова Ольга Николаевна – аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е.И. Тимошенко.

В.І. ГУШЧАВА

АБ СЕАНТЫЧНАЙ СТРУКТУРЫ І ВАЛЕНТНАСЦІ ЛЕКСЕМЫ РАМІЁЎ У ПОЛЬСКОЙ МОВЕ

Статья посвящена анализу семантики лексемы *ramię* в польском языке. Лексема *ramię* выходит за рамки обозначения только одного из психологических процессов. Семантический анализ лексемы *ramię* позволяет заметить, что в языке фиксируется связь памяти с другими составляющими психологической жизни человека (ментальными процессами и эмоциями). Лексема *ramię* переносится на обозначение межличностных отношений и социально значимых явлений, событий, норм поведения, моральных ценностей. Различные процессы и операции, связанные с работой памяти, обозначаются, как правило, не посредством отдельных лексем, а посредством устойчивых словосочетаний.

The article is devoted to the analysis of semantics of the lexem *ramię* in Polish language. Lexem *ramię* exceeds the limits of nomination of separate psychological process. Semantic analysis of the lexem lets us note that connection of memory with other phenomenal of psychological life of a human (mental processes and emotions) is fixed in a language. The lexem *ramię* is transferred to the nomination of human relations, important social events, moral values, norms of behaviour. Different processes and operations, which are connected with a memory functioning are regularly nominated not by separate lexems but by idioms.

Структура лексемы *ramię* у розных еўрапейскіх мовах падобная: дадзеная лексема можа выступаць у значэннях як звязаных з працэсамі памяці, так і непасрэдна з дадзенымі працэсамі не звязанымі, якія належаць, напрыклад, да групы лексем са значэннем 'турбота, апека': гоцк. *maurnan*, ст.-англ. *muarnan*, грэч. *μέμνηρα*; разумовай дзейнасці: ст.-літ. *mintis* 'думка, меркаванне', ст.-інд. *matīs* 'думка, намер, меркаванне', авест. *maiti* 'думка, меркаванне', лац. *mens* 'розум, роздум' (A Dictionary 1949).

Пры апісанні семантыкі лексемы *ramię* мы карысталіся не толькі матэрыялам сучаснай польскай мовы, але і пластом састарэлай лексікі, зафіксаванай у слоўніку В. Дарашэўскага (*Słownik* 1958–1969).

Найбольш важным у семантычнай структуры лексемы *ramię* з'яўляецца значэнне 'здольнасць да запамінання, захоўвання і ўзнаўлення ў памяці ўспрынятай інфармацыі, уражання і г. д.' У дадзеным выпадку лексема *ramię* выступае ў значэнні аб'екта ў словазлучэннях з пасесійным прэдыкатам *mieć* і прыметнікам, які ўказвае на наяўнасць/адсутнасць узгаданай здольнасці. У фразеалагізмах з дадзенай структурай найбольш важнымі характарыстыкамі памяці з'яўляюцца: а) здольнасць да дастаткова хуткага і аб'ёмнага запамінання (*mieć chłonność pamięci* – метафарычны перанос значэння на падставе агульных сем: у дзеяслова *zapamiętywać* – 'ўбіраць у ся-